

**Анна Валерьевна
СЕРЕБРЕННИКОВА,**

профессор кафедры
уголовного права
и криминологии
Московского
государственного
университета
имени М. В. Ломоносова,
доктор юридических наук,
доцент
serebranna@hotmail.com
119991, Россия, г. Москва,
Ленинские горы, д. 1,
стр. 33

ВОСТОК — ЗАПАД: ГАРМОНИЯ И ДИХОТОМИЯ

Аннотация. Дихотомия «Восток — Запад» традиционно остается одной из основных проблем культурологии, политической философии, политологии, геополитики. В политико-правовом аспекте противопоставление, начавшись с Аристотеля, чьи идеи были развиты анализом деспотий Востока Ш. Монтескье, а затем К. Марксом в его теории «азиатского способа производства», сформировалось в западноевропейскую и американскую либеральную традицию, проецируемую на исследования тоталитарных диктатур первой половины XX в. В центре рассматриваемой политической концепции стоит антагонизм, противостояние и противоборство традиционно «либерального Запада» и столь же традиционно «авторитарного Востока», которое формировало и укрепляло несколько цивилизационных и политико-правовых мифов. В современных условиях речь идет не только и уже, вероятно, не столько о традиционной дихотомии, сколько о взаимодействии и конвергенции, в том числе для противодействия глобальным угрозам.

Ключевые слова: история государства и права, государство, право, динамика, Восток, Запад, ислам, христианство, дихотомия, цивилизация, элита.

DOI: 10.17803/2311-5998.2021.81.5.162-168

ANNA V. SEREBRENNIKOVA,

Professor, Department of Criminal law and Criminology
of Lomonosov Moscow State University,
Dr. Sci. (Law), Associate Professor
serebranna@hotmail.com
1/33, Leninskiye Gory, Moscow, Russia, 119234

EAST — WEST: HARMONY AND DICHOTOMY

Abstract. East — West dichotomy has traditionally remained one of the main problems of cultural studies, political philosophy, political science, and geopolitics. In the political and legal aspect, the opposition, starting with Aristotle, whose ideas were developed by the analysis of the despotism of East by Sh. Montesquieu, and then by K. Marx in his theory of the “Asian mode of production”, was formed into a Western European and American liberal tradition projected onto research totalitarian dictatorships of the first half of the XX century. At the center of the political concept under consideration is the antagonism, confrontation and confrontation of the traditionally “liberal West”

and the equally traditionally “authoritarian East”, which shaped and strengthened several civilizational and political-legal myths. In modern conditions, we are talking not only, and probably not so much about traditional dichotomy as about interaction and convergence, including to counter global threats.

Keywords: history of state and law, state, law, dynamics, East, West, Islam, Christianity, dichotomy, civilization, elite.

Как это часто бывает в научных дискуссиях, стартовав с относительно узкой культурологической платформы, дискуссии быстро охватили иные области интерпретации, в том числе теории государства и права, принимая, как обоснованно отмечает В. А. Гуторов, «подчас гипертрофированные формы»¹. По оценке А. Д. Воскресенского, исследование дихотомии противопоставления Востока и Запада сегодня имеет в большей степени «аналитический и частично интуитивно-прикладной смыслы», хотя и позволяет выявить специфику моделей «базисной идеологии» нескольких типов политических систем и соответствующих процессов»².

Запад и Восток утрачивают четкие географические границы, которые становятся в большей степени цивилизационными. Так, Австралия как государство англосаксонской правовой семьи и соответствующей политической системы традиционно ассоциируется с Западом, хотя географически находится на Востоке. Также все исламские государства, независимо от их локации, принято группировать на «Востоке». В то же время в Европе несколько регионов с мусульманским большинством явно не вписываются в рассматриваемую дихотомию.

Цивилизационные границы все сложнее провести в условиях культурного плюрализма, например в Боснии и Герцеговине или в Сибири, граждане (жители) которых идентифицируют себя по-разному, и как Восток и как Запад, производно от этнического, конфессионального или культурного происхождения. Также жители разных частей света воспринимают границы по-разному. В Европе Россия определяется и как Восток, и как дополняющая часть Запада. В то же время исламские народы рассматривают ее, наряду с преимущественно христианскими народами, однозначно как Запад³.

Сопоставление политико-правовых систем, чаще всего традиционной, исламской и христианской, в последние несколько столетий олицетворяет дихотомию «Восток — Запад», которые, как принято считать, антагонистичны и обладают полярными характеристиками. Такой радикальный подход неизбежно сталкивается с методологическими кризисами в процессе разработки объективных классификаций и типологий государств и их союзов. В политологии устоялся подход,

¹ Гуторов В. А. Дихотомия Восток — Запад в структуре сравнительного анализа политической культуры // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2015. Вып. 208. С. 193—202.

² Восток и политика: политические системы, политические культуры, политические процессы / под ред. А. Д. Воскресенского. М. : Аспект Пресс, 2011. С. 25—26.

³ Turchin P., Adams J. M. ; Hall T. D. East-West Orientation of Historical Empires // Journal of World-Systems Research. 2000. № 12. December. P. 222.

в соответствии с которым принята дифференциация политико-правовых режимов и их структур на «западные» и «восточные», в различных интерпретациях. Одной из наиболее влиятельных принято считать концепцию Д. Норта, Д. Уоллиса и Б. Вайнгаста о естественном государстве и обществе открытого доступа⁴.

К первому типу, пусть и не вполне демократическому, относится абсолютное большинство современных государств. Ко второму типу относятся государства, где, как считается, есть правовое государство, в том числе и для элиты, гражданское общество, общественная и частная инициатива, а также контроль над силовым блоком. Здесь концентрируются могущественные корпорации, но в идеальной модели такого общества они интересуются прежде всего рынками и политику почти не затрагивают. В то же время «в естественных государствах» такие же корпорации играют политические роли⁵. По этой логике к последним будут отнесены Россия, та же Британия в определенные исторические периоды (например, при Тюдорах), тирании, диктатуры и современные государства Востока, а также большинство развивающихся стран, включая исламские режимы.

В основе не только этической, но и политико-правовой восточной культуры находятся идеология и обычаи, но не конституционно закрепленные принципы, гарантии и законы. В рамках обычаев следует рассматривать и субъективно-ситуативные позиции элиты или правителя. В данном случае восточная патриархально-клановая структура диктует коллективистскую ориентацию, минимизируя статус индивида, который низводится до позиции «винтика»⁶, более или менее полезного для государства, «общего дела» или великой цели. При этом на Востоке власть и политика вообще — это предназначение выдающихся и несменяемых «героев»⁷. В таком государстве политический лидер считается единственным гарантом стабильности, силой, стоящей над обществом и государством. Здесь проявляются архаично традиционные подданические структуры политико-правовой культуры, определяющие восприятие почти сакральной личности несменяемого политического лидера⁸. Российская модель политического лидерства часто признается не гармонией и не дихотомией, а «смешением восточной и западной версий»⁹.

В рамках классического подхода¹⁰ дифференциация западной демократии и восточной деспотии по основным политико-правовым признакам начинается в эпоху Античности. На Западе основой развития становятся рыночные товарные

⁴ Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки: концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2011. С. 40, 82—84.

⁵ Ливен Д. Российская империя и ее враги с XVI в. до наших дней. М. : Европа, 2007. С. 238.

⁶ В обыденной, некорректной, но традиционной, ставшей стереотипом интерпретации фрагмента тоста И. В. Сталина на приеме в честь Победы.

⁷ Пономарев А. Д. Дихотомия «Восток — Запад» в российской политической культуре // Концепт. 2018. № 10. С. 243—249.

⁸ Щербинина Н. Г. Герой и антигерой в политике России. М., 2002. С. 7.

⁹ Пономарев А. Д. Указ. соч. С. 247.

¹⁰ Васильев Л. С. История Востока : в 2 т. М. : Высшая школа, 2011. Т. 2. С. 193—194.

отношения, основанные на гарантиях собственности, а власть в разной степени, но подконтрольна обществу. Исторически здесь общинная самоуправляемая демократия эволюционировала в гражданское общество¹¹. На Востоке частная собственность есть, но не господствует и в меньшей степени гарантируется, доминирует общественная и государственная собственность, преобладает государственно-общинная форма хозяйства, при которой государство доминирует над обществом. Таким образом, в центре социального развития на Западе оказывается индивид (собственник, гражданин), тогда как на Востоке — это община, связанная нормами обязательств общежития, общей собственности и традиций.

Модернизация указанного подхода привела Д. Асемоглу и Дж. Робинсона к дифференциации двух типов «экономических институтов» по их способности стимулировать экономический рост и подрывать господство элиты (Запад) или, с другой стороны, укреплять ее позиции, но оставлять население в бедности (Восток)¹². Авторы выводят процветание либо упадок государств из состояния их экономических и политических институтов в их взаимосвязи, сравнивая «экстрактивные» (исключающие) и «инклюзивные» (включающие) экономические, политические и социальные институты.

Первые создаются для того, чтобы политические элиты управляли экономикой в своих целях и перекрывали другим субъектам доступ к выгодам и благам. Такие институты позволяют отчуждать и концентрировать собственность (доходы) у небольших групп, как это было в рамках абсолютных монархий и диктатур, где элиты властвовали, опираясь на силовые и правовые структуры.

Институты второго типа предоставляют относительно широкие возможности всем, кто этого желает и кто способен, участвовать в политике и экономических отношениях, извлекая прибыль и капитализируя свое участие. Эти институты гарантируют права собственности, произвольное отчуждение которой исключается. В данном случае инклюзивными являются не только экономические, но и политические институты. Они не дают элитам контролировать экономику и политику государства исключительно в своих интересах. Эти институты считаются базисом современных либеральных демократий.

Разрешая вопрос гармонии и (или) дихотомии «Восток — Запад», Д. Асемоглу и Дж. Робинсон делают вывод о том, что экономический прогресс возможен и тех и в других условиях, но при разной динамике. По их мнению, рост экономики в условиях экстрактивных институтов, кратковременен и не имеет следствием устойчивый подъем благосостояния основной части населения. В то же время государства, основанные на инклюзивной модели институтов, демонстрируют стабильность роста, в котором «участвует» большая часть населения. Здесь прослеживается рост уровня жизни, а также общего благосостояния. Также инклюзивные институты в силу своей адаптивности лучше преодолевают любые кризисы, тогда как экстрактивные институты, как правило, их лишь усугубляют.

¹¹ Восток и политика: политическая системы, политические культуры, политические процессы. С. 25—26.

¹² Acemoglu D., Robinson J. Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity, and Poverty, 2012 // URL: http://www.lse.ac.uk/assets/richmedia/channels/publicLecturesAndEvents/slides/20110608_1830_whyNationsFail_sl.pdf (дата обращения: 01.04.2021).

Еще один, относительно новый и по своей сути конвергентный, подход отрицает ригористичное толкование классической дихотомии «Восток — Запад», апеллируя к тому, что значительная часть признаков западной культуры (в том числе плюрализм, разделение властей, толерантность, принципы «открытого общества» и др.) также, пусть и факультативно, но могут быть присущи и Востоку.

В XX в. с крахом колониальных империй, в рамках нового витка глобализации и общего признания основных гарантий в сфере прав человека и документов ООН ускорился процесс конвергенции политико-правовых принципов Запада и Востока. Течение рассматриваемого процесса с разной степенью осторожности (интенсивности) признается большинством исследователей, хотя в ряде сфер (прежде всего в политических институтах) этот синтез и рост взаимного влияния либо отрицаются, либо признаются, но только на самой начальной стадии¹³.

В этой связи исследователи обоснованно ставят вопросы об условиях и предпосылках перехода обществ восточного типа к обществам открытого доступа, а также о выявлении обществ, стремящихся или готовых к такому переходу¹⁴. Этот подход а priori исходит из того, что западный тип общества более прогрессивный. В то же время необходимо помнить, что в свое время европейцы охотно перенимали высшие достижения арабской культуры и науки, которыми сами арабы по ряду причин не воспользовались¹⁵.

Л. С. Васильев предлагает две базовые модели эволюции исламских государств XXI в. Первая — это энергичная европеизация и модернизация традиционного исламского общества, здесь приводятся в пример Турция и Египет, в которых эти процессы (правда, в основном усилиями военных) идут уже более столетия. Другая модель — традиционалистская, сохраняющая исламские основы и шариат в качестве доктринального фундамента исламской государственности, в рамках идеологии которой человек покорен воле Аллаха и его пророка, а соответственно, халифу, имаму и властям. Отсюда фатализм и покорность, которые, как правило, не ассоциируются с прогрессом; незащищенность индивида и в значительной мере корпораций перед властью, реализация базовых принципов власти: собственности, господства элиты и госаппарата, который взимает с подданных и бизнеса ренту.

В традиционных государствах исламская структура, отсекая внешнее влияние, длительно воспроизводится. Исламский традиционализм в этом смысле оказался сильнее не только западного, но и, в свое время, советского влияния. Л. С. Васильев исходит из того, что в сопоставлении с Японией, Китаем, государствами Юго-Восточной Азии и Индией, добившимися лидерских позиций в мировой экономике и в значительной степени модернизировавшими свои общества по западным стандартам, большая часть традиционных исламских государств все также далеки от них, подчеркивают свое отличие¹⁶.

¹³ Восток и политика: политические системы, политические культуры, политические процессы. С. 34.

¹⁴ Гуморов В. А. Указ. соч. С. 198.

¹⁵ Quintern D. Arabic traces in Alexander Humboldt's kosmos and Central Asian geographies // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. 2018. Т. 10. № 4. С. 424—435.

¹⁶ Васильев Л. С. Указ. соч. Т. 2. С. 442.

Проблема гармонии и (или) дихотомии «Восток — Запад», несмотря на существенные доктринальные трансформации, сохраняет свое место в числе дискуссионных научных вопросов, поддерживая свой «эвристический потенциал»¹⁷. В этом плане показательна текущая пандемия коронавируса, которая вновь актуализировала ее воспроизведение в мировом общественном сознании. «Постоянное усложнение нормативного пространства и усиление гибридизации регуляторных систем уводят нас от двоичного кода: право/неправо, жесткое/мягкое право в сторону гибридных решений»¹⁸.

С одной стороны, Восток и Запад гармонично выступили против пандемии, приняв сходные жесткие карантинные меры, существенно ограничивающие права граждан, а с другой — оценка происходящих событий свидетельствует о сохранении дихотомии. Так, в первом официальном заявлении властей Ирана о коронавирусе 19 февраля его причиной названы происки «врагов», которые преувеличивали масштаб угрозы, что должно было успокоить население. Через неделю президент Х. Рухани «раскрыл» «вражеский заговор», направленный на запугивание Ирана и паралич экономики. Президент рекомендовал вести обычную жизнь и работать. Государственное телевидение обвинило США в распространении коронавируса как биологического оружия¹⁹.

Современный Запад готов идти на сделку с Востоком, обсуждать с ним цены на нефть, противодействовать глобальным угрозам, преследуя при этом свои экономические и геополитические интересы и подстраивая под них гармонию традиционной дихотомии, процесс, который имеет долгосрочные перспективы и явно нуждается в научном осмыслении.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Васильев Л. С.* История Востока : в 2 т. — М. : Высшая школа, 2011. — Т. 2. — 788 с.
2. Восток и политика: политические системы, политические культуры, политические процессы / под ред. А. Д. Воскресенского. — М. : Аспект Пресс, 2011. — 685 с.
3. *Гуторов В. А.* Дихотомия Восток — Запад в структуре сравнительного анализа политической культуры // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. — 2015. — Вып. 208. — С. 193—202.
4. *Ливен Д.* Российская империя и ее враги с XVI в. до наших дней. — М. : Европа, 2007. — С. 688.
5. *Мажорина М. В.* Нормы негосударственного регулирования в парадигме международного частного права: коллизия права и неправа // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2021. — № 3. — С. 34—48.

¹⁷ *Гуторов В. А.* Указ. соч. С. 200.

¹⁸ *Мажорина М. В.* Нормы негосударственного регулирования в парадигме международного частного права: коллизия права и неправа // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 3. С. 47.

¹⁹ *Хоссейни К.* Коронавирус в Иране: что рассказывают врачи и что скрывают власти // BBC Persian. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-51985809> (дата обращения: 01.04.2021).

6. Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки: концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. — М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2011. — С. 82—84.
7. Пономарев А. Д. Дихотомия «Восток — Запад» в российской политической культуре // Концепт. — 2018. — № 10. — С. 243—249.
8. Хоссейни К. Коронавирус в Иране: что рассказывают врачи и что скрывают власти // BBC Persian. — URL: <https://www.bbc.com/russian/features-51985809> (дата обращения: 01.04.2021).
9. Щербинина Н. Г. Герой и антигерой в политике России. — М., 2002.
10. Acemoglu D., Robinson J. Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity, and Poverty, 2012 // URL: http://www.lse.ac.uk/assets/richmedia/channels/publicLecturesAndEvents/slides/20110608_1830_whyNationsFail_sl.pdf (дата обращения: 01.04.2021).
11. Quintern D. Arabic traces in Alexander Humboldt's kosmos and Central Asian geographies // Вестник Санкт-Петербургского университета. — Востоковедение и африканистика. — 2018. — Т. 10. — № 4. — С. 424—435.
12. Turchin P., Adams J. M., Hall T. D. East-West Orientation of Historical Empires // Journal of World-Systems Research. — 2000. — № 12. December. — P. 219—229.